

№ 2 ЯР
1760

**Валерий
ГОЛИКОВ**

**НЕ СПРЯТАТЬ
КОЛЬЦА ГОДОВЫЕ**

Стихи

Валерий
ГОЛИКОВ

P296
Г60

НЕ СПРЯТАТЬ КОЛЬЦА ГОДОВЫЕ

Стихи

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Ярославль
ИД «Печать»
2011

№ - 183081 - /

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Г 11

Г 11 Валерий Голиков. Не спрятать кольца годовые:
Стихи. – Ярославль: Издательский дом «Печать», 2011, - 132 с.

ISBN 978-5-9902577-6-4

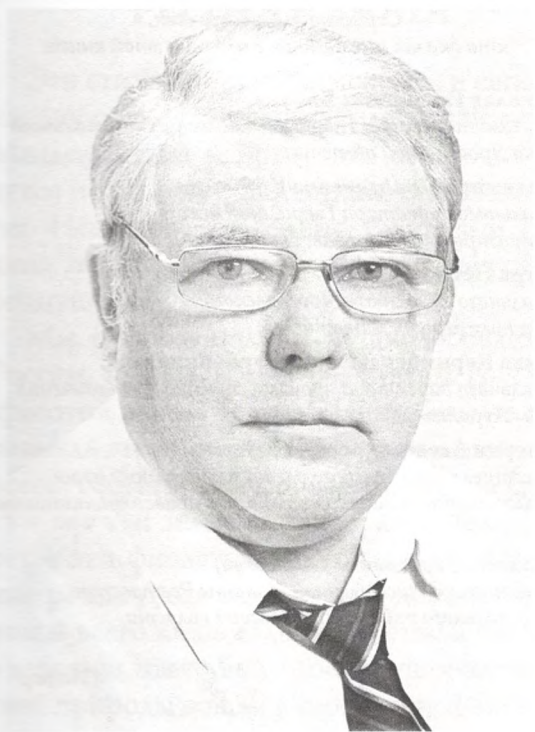
Стихи Валерия Голикова рождены любовью к родной земле, к несказанной красоте русской природы. Его строки всегда окрашены эмоцией, его лирический герой открыт и сердечен. Полковник в отставке, всю жизнь отдавший работе в спецслужбах, предстает перед читателем как проникновенный лирик, наследователь поэтических традиций Некрасова, Есенина и Рубцова.

*В оформлении книги использованы
фотографии Михаила Соколова
и рисунки Вики Шалыгиной*

ISBN 978-5-9902577-6-4

© Голиков В.П., 2011

© Издательский дом «Печать», 2011

*Сердечно благодарю всех,
кто оказал мне помощь в издании этой книги:*

- Николая Ивановича Бирука,**
главу Администрации Гаврилов-Ямского муниципального района Ярославской области;
- Владимира Николаевича Корицова,**
генерального директора Гаврилов-Ямского машиностроительного завода «Агат»;
- Петра Петровича Потапова,**
генерального директора Ярославского завода полимерных материалов;
- Алика Керимбердыевича Курбанниязова,**
генерального директора производственного объединения «Сады Аурики»;
- Валерия Александровича Зайцева,**
председателя Ярославского регионального отделения Российской организации сотрудников правоохранительных органов;
- Михаила Сергеевича Соколова,**
председателя Общественной Палаты Ростовского муниципального района Ярославской области.

Автор

РОДНАЯ ДУША

Эти стихи просты, безыскусны и наполнены любовью к русской земле. Почитателям Мандельштама и Бродского они явно придутся не по вкусу. Но тот, кто вырос на книгах Некрасова и Есенина, Рубцова и Тряпкина, непременно почувствует в этих стихах родную душу.

Мы, русские люди, живущие в срединной России, на всю жизнь очарованы грустной красотой нашей родины. Никто нам не втолковывал этого, а если пытался втолковать, то всегда был вторым. Первой была сама красота – вот эти зеленые пригорки и медленные реки, эти фиолетовые закаты и белоствольные рощи. Даже если ты родился горожанином и всего лишь ездил в детстве к бабушке в деревню, этого было достаточно: чары русской природы вошли в твою душу и овладели ею навсегда.

Потом, когда ты научился читать, когда узнал, что на свете есть еще и такое чудо,

как стихи, когда стал повторять их, жить ими – в твою душу вошли и полонили ее новые чары, чары гармонических строк. Ты стал пробовать разные строки на вкус, как ягоды малины или ежевики, стал выбирать: вот это – вкусно, этого ты хочешь еще и еще... Так родились твои привязанности.

И тут произошло третье чудо: закаты, рощи и гармонические строки вошли друг в друга, слились в одно. Душа и природа стали едины, и с этих пор ты погиб навсегда – или родился. Тебя больше никогда не очарует чужое.

Стихи Валерия Голикова принадлежат к этой стародавней и вечной отечественной традиции. Они рождены изумлением перед красотой жизни под русским небом, они – дети очарования, навсегда овладевшего поэтом:

*А над водой смородина клонилась
И гроздь ягод мылись в быстрине...
Той красотой душа моя пленилась
И до сих пор она живет во мне.*

Даже когда поэт печалится или негодует, эти чары не оставляют его: он и печалится-то

только потому, что не сможет, как и все мы – короток человеческий век! – вечно смотреть на красоту родины; он негодует, когда видит, что красоты остается всё меньше:

*Речка моя,
где твои белобрысые плесы,
тишь омутов
и смородинный дух над водой?*

Может показаться, что в этой книге есть загадка: как может человек, всю жизнь посвятивший работе в российских спецслужбах, не отдать этому дань, не окунуть нас, читателей, в дух погонь и перестрелок, тех самых шифров, паролей и явок? Почему лирический герой автора настолько сентиментален, что от простого созерцания вечерней зари на глазах его наворачиваются слезы?

А вот так и может. Я бы сказал: а вот так и должен. Чтобы защищать что-то, нужно это любить – а слезы для любви вполне естественны. И где еще, как не в лирических строчках, вышедших из глубины сердца, может полковник Голиков выразить всю полноту своей любви к родной земле?

В книге много стихов, навеянных воспоминаниями о детстве, проведенном в

деревне. Крестьянский труд, ребячьи забавы, сельский быт, портреты бабушки и деда – всё это увидено зорким оком и окутано душевным теплом; многие стихи написаны как бы с легкой улыбкой. Видится за ними большой, щедрый и смелый человек, не истерзанный рефлексией, воспринимающий жизнь просто и прямо. Там, в русской деревне – истоки его характера, его отношения к миру.

Валерий Голиков идет в своем творчестве по столбовой дороге русской литературы – дороге традиции, дороге веры и любви. Хочется пожелать ему на этой дороге новых поэтических находок.

Евгений Чеканов,
член Союза писателей России

*В тайном
ларчике
сердца*

ИЗ ДЕТСТВА

Помню бабушкины речи...
Я сижу у теплой печи.
Зимний поздний вечерок,
Прялки тихий говорок.
Из кудельки нитка вьется,
В трехлинейке пламя бьется,
Ноет муха, дремлет дом,
Дед кемарит за столом.

Самовар поет чего-то...
«Песни петь – его работа!
Слушай, как мотив хорош,
И не хочешь – подпоёшь.
А ты знаешь, как он пляшет?
Так ушами и замашет!
Не гляди, что самовар,
У него на это дар!»

Шутит бабушка? И пусть...
Но поближе к деду жмусь:
Вдруг и вправду фыркнет пар –

И заплещет самовар?
... Вновь сижу у теплой печи,
Вспоминаю эти речи.
Смотрят бабушка и дед
На меня сквозь толщу лет.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАЙ

На летние каникулы
Я был отправлен к бабушке –
Под око ее зоркое,
В сосновый сельский рай.
Я спал в прохладной горенке,
Утрами ел оладушки,
А дальше – жизнь вольготная,
Что хочешь, выбирай.

Мальчишки, мои сверстники,
Тянулись к горожанину
С чего бы то, не ведаю,
Но стал я вожаком.
Ребята с Вондель-реченьки
Доверились волжанину,
Я с ними годы детские
Протопал босиком.

Мой дядюшка по матери
Служил колхозным конюхом.

Он брал меня с мальчишками
В ночное, на луга.
И я тогда уверовал,
Что стану красным конником
И беспощадной шашкою
Пойду крушить врага.

Мы были фантазерами,
Мы грезили победами,
Мы создали две армии,
У каждой – штаб и план.
В нешуточных сражениях
Мы жалости не ведали –
Рубились деревяшками
До настоящих ран.

С тех пор на все каникулы –
И зимние, и летние
Я мчал стремглав из города
В своё Кочегино.

И с жаждой непонятною,
Как будто в дни последние,
Вдыхал деревни запахи
И пил их, как вино.

Там не было тропиночки,
Что нами не найдена,
И не было малиника,
Чтоб нам его не знать.
Везде мы были первыми –
И там, где не положено:
По огородам шнырила
Ребятня наша рать.

На перекатах в Вонделе
Чужие верши шарили.
Из-под несущек яйца
Таскали втихаря,
Потом в костре под берегом
Улов богатый жарили

И радовались искренне,
Что день прошел не зря.

Для дел штабных построили
Шалаш на кроне вязовой.
А вяз столетней давности –
С дуплом, что наш чулан.
На высоту немерную
Мы все бесстрашно лазали,
Эх, знали бы родители,
Где был наш тайный стан!

Зато под самым солнышком
Мы в шалаше качались,
Как на ладони видели
Деревню и поля.
Лежишь себе в шалашике –
И не о чем печалиться.
Внизу играет реченька
И нежится земля.

А за речной излучиной –
Шатры в цыганском таборе.

Дорога змейкой серую
Ведет на старый брод.
Вокруг – луга цветущие
И лес в зеленом капоре,
Поляны земляничные
И синий небосвод.

И до сих пор качаюсь я
В том шалаше над речкою,
И в светлых грезах сносу нет
Родному шалашу...
Шуршат воспоминания,
Как таракан за печкою,
И я по тропкам памяти
В минувшее спешу.

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

№ - 183081 - /

ХОРОШО БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ

Пахнут вкусной хлебной коркою
Деревенские дымки.
По домам чадят махоркою
На лежанках старики.

Мы – с утра уже на улице,
Нам сидеть на печке лень.
Нынче небо быстро хмурится,
Не проспять бы зимний день!

За деревнею горбатится
Семионова гора.
Друг за другом к речке катится
На коробьях детвора.

Наморозишь короб в проруби –
Тяжело тащить наверх,
Но зато с горы, как голуби,
Мы летим сквозь визг и смех.

Но на горке всё морознее ...
Знать, пора и по домам.

Ох, а время-то уж позднее –
Попадет сегодня нам!

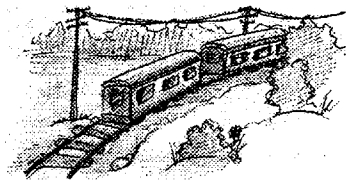
Голиком очистишь валенки.
Руки-крюки, синий нос.
Хорошо быть просто маленьким.
А большим? Еще вопрос...

ПУРГА

Пурга, свистя рассерженно,
Неслась навстречу скорому.
Но скорый, рывкнув сдержанно,
Свернул куда-то в сторону.

Она прошла сторонкою,
Свернулась белым поясом.
«Тук-тук» летело звонкое
За уходящим поездом.

МОРОЗ И НОС

Меня за нос схватил мороз,
За мой курносый красный нос!
И так таскал, что я до слез
В пальтишке легоньком промерз.

Надел я зимнее пальто.
Тяжеловато. Но зато
Мороз, задумавшись, поник...
Остался с носом, озорник!

А я свой нос – за воротник!

КРЕЩЕНЬЕ

В ночи созвездья – как жар-птицы.
И я с открытою душой
Беру смиренно ковш водицы
Из лап Медведицы Большой.

Я принимаю дар Вселенной...
Какая чистая вода!
Быть может, жизни дар нетленный
Хранит Полярная звезда?

Я пью – и губы обжигает
Крещенский яростный мороз.
А кто-то к проруби шагает,
А кто-то в шубу прячет нос.

В КУЗНИЦЕ

Я в кузню бегал к дяде Саше,
Его кувалды слушал звон.
Он привечал меня – и даже
Давал качать кузнечный горн.

И я качал двумя руками!
И гордость полнила мальчика.
Я приходил, чумазый, к маме:
– Кормить готова кузнеца?

НЕ ПОТЕРЯТЬ БЫ СЕДОКА

Рубашка парусом вздымалась!
Конь мчался рысью по стерне!
И мне летать уже мечталось,
Героем стать мечталось мне.

И я пришпоривал азартно
Босыми пятками коня...
Но было грустно и досадно,
Что конь не слушался меня.

Конь знал, что пашня – не дорога,
Что правит слабая рука...
В его душе жила тревога:
Не потерять бы седока.

Мне не забыть, как закружились
Волчком и небо, и стерня,
Как виновато опустились
Глаза уставшего коня.

Он, наклонив печально морду,
Смотрел на мой открытый рот
И явно думал: «Взяли моду –
Юнцов сажать... Хоть не ревет!»

МОЙ ДЕД

В Москве провел он зиму не одну,
Но городским не стал и поневоле.
Прирос мой дед душой к Кочегину –
К своей деревне и крестьянской доле.

Устав смотреть в столичное окно,
Собрал свой скарб, письмо оставил детям –
И двинулся в свое Кочегино,
К оставшимся ему десятилетиям.

И зазвенел косою на лугах!
За ним тянулись мужики, потея.
Хозяин жизни, легкий на замах,
Он жил трудом. Вот вся его идея.

Он не имел ни грамот, ни наград,
Работал не для славы и почета.
Метал стога, растил нехитрый сад,
По всей округе крыши крыл без счета.

И до сих пор в окрестных деревнях
Не стерта память дедовских мозолей.
Его везли в последний путь в дровнях,
Снег поле крыл ... Им сеянное поле.

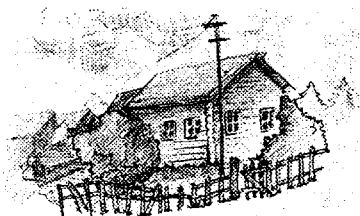
ДОМ ДЕТСТВА

Память спрятала детство
в тайном ларчике сердца.
Скрип березовой люльки,
брат и я – голыши
в окруженьи игрушек
деревенских умельцев ...
Огонек у божницы,
Шелест прялки в тиши.

Кружевные подзоры
на железных кроватях,
Расписные клеенки
на дощатой стене.
Зреет лук золотой
на высоких полатях,
И сопит самовар,
словно бабка во сне.

Наш домишко был старым,
под соломенной крышей,
в будни тих и просторен,

а по праздникам – мал.
Я рыдал, когда дед
с местным плотником Гришей
это старенький дом
вместе с детством сломал.

ПЕРВЫЙ СТИХ

Дед пристрастил меня к лугам,
Я с дедом лазал по стогам.
С их поднебесной высоты
Я видел столько красоты!

Казалось мне: сейчас взлечу,
Мне все высоты по плечу!
Я пел от счастья, я кричал!
Я ни минуты не молчал!

Но вот однажды зимним днем
Меня обдало, как огнем,
И я испуганно притих...
Во мне рождался первый стих.

ПАПА

Я на площадь вышел –
Взглядом не окинешь.
– Пап, а выше крыши
Ты меня поднимешь?

– Подниму, Валерка,
И еще повыше.
Нам с тобой – не мерка
Никакие крыши.

НАШЕ ДЕТСТВО

Наше детство – за лесочком,
за осиновым мосточком,
где раскинулось платочком
озерцо,
где ромашки – что медали,
где березовые дали,
где скрипучее родимое крыльцо.

Наше детство – за пригорком,
где черемух запах горький,
где тревожат сон на зорьке
петухи,
где пахучи и румяны
земляничные поляны,
где рассвет рожком встречают
пастухи.

Наше детство – за годами,
за пропавшими следами,
за судьбою, что покрыта
сединой.

В нас останутся навеки
все луга, пригорки, реки,
берег детства,
неизбывный и родной.

ГАРМОНИСТ

День, солнышком пропитанный.
Июнь,
сирень кудрявится.
Престольный праздник «Заговенье»,
вечер,
мошкара.
С гармошками и песнями
народ к бендюжке правится.
Таков порядок праздника –
на круг,
плясать пора!

Разминка начинается
с заливистой «Коробушки»,
потом идет «Семеновна»
под тульскую гармонь.
Сплелись в частушках яростных
миленки и зазнобушки,
кадриль кружит и топает.
Не пляска, а огонь!

Меж пляшущих, гуляющих
пыль поднимая,

носится
нахлестанная праздником,
шальная малышня.
Поодаль на скамеечке
сидит,
как Богородица,
Великонида-бабушка,
а рядом – вся родня.

Девчонки голенастые
к углу прибились стайкою,
им тоже поплясалось бы,
да возраст не велит.
Пастух,
уже «набравшийся»,
форсит дырявой майкою,
вот-вот в траву повалится –
и тут же захрапит.

А молодухи топают!
Все в платьях крепдешиновых,
в туфлях, носочки белые,
короткий рукавок.

Но гармонист умаялся –
ждет бражка у Аршиновых ...
И он с басистым выплеском –
гармошку – на замок.

На пол-притопе замерло
искристое веселие,
частушка недопетая
зависла в тишине.

Случайно ли, намеренно,
иль попросту везение –
гармошку неостывшую
вдруг предложили мне.

И я без колебания,
но с паузой достойною
проверил вихрем клавиши,
подправил ремешки –
да как завел про ивушку,
над речкою склоненную ...
И разом пригорюнились
седые мужики.

Затем рванул «Цыганочку»,
да с выходом, с коленцами!

И так ее наярывал,
что выбился из сил.

А под конец «Огинского»
я выдал для коллекции –
и полонезом-классикой
всех разом уложил.

С тех пор гулянки, праздники –
и местные, и дальние –
я, славою обласканный,
готов был отыграть.

Строчил кадрили пыльные
и нежил вальсы бальные...

Как радовалась бабушка!
Как восхищалась мать!

ПОРА СЕНОКОСНАЯ

Мечут девчата на выкосе стог –
Пышный, духмяный, что сдобный пирог.

Словно ромашки, белеют платки.
Вьются вокруг молодух мужики.

Лошади фыркают, дроги скрипят,
Валится воз на визжащих девчат.

«Девки, уймись, – ворчит бригадир, –
Юбок не жалко? Протрете до дыр!»

... Где ты сегодня, грустинка моя?
Сколько в глазах твоих было огня!

ЮНОСТЬ

Рай нашей юности лучистый
Не ведал горя и тревог.
То был святой, небесно чистый
Любви и счастья островок.

Дружили мы с костром и песней,
Все были юны и равны.
И в мире не было чудесней
Великой солнечной страны.

БАБУШКА

Неповторим пьянящий воздух родины.
Мгновенье – и взлетаю на крыльцо.
На лавке млеет сонный лист смородины,
Всё та же дверь, и медное кольцо.
– Бабуля, здравствуй! Узнаешь ли внучика?
Стоит, о печку опершись спиной.
От глаз усталых побежали лучики,
Засуетилась: – Батюшки, родной!
А я всё жду, я пирогов настряпала!
А сон-то – в руку! Снился ты вчерась.
Ты погоди... Очки куда-то спрятала!
Уж как я тут одна-то извелась!
Хоть вечером, бывало, включишь радио,
Глухня глухней, а чтой-то разберу.
А тут молчит, дён десять, как не радует,
Сказали, столб свалился на бору.
Вчерась гляжу, вода в ведре кончается,
Уж экономлю: кто мне принесет?
Помрешь – не вспомнят, некому печалиться,
Скуп на добро-то нонче стал народ.

Вся молодежь-то метит ближе к городу,
Чего ей здесь – пустая сторона!
Вить там хошь как, а не погибнешь с голоду,
А поживи-ка эдак-то одна ...
– Бабуля, что ты! Мы ль тебя не балуем,
Что ни неделя – кто-нибудь придет.
Вы, старики, совсем как дети малые,
А дел-то всех – изба да огород.
А нам – успеи и у станка, и во поле,
И всюду – план... А руки-то одни!
– А ты не жалься! Жись-то вы прохлопали!
Недорогие ваши трудодни!
Я примечаю, у окошка сидючи:
Железа лишку на полях гремит.
Вас институт любви к земле не выучил:
Она за ласку – ласкою дарит.
Гляди-ко, как дороги-то угваздали,
Избороздили, истерзали в кровь.
Земля – что мать. А вы-то вот горазды ли
Ей доказать сыновнюю любовь?
Да мне-то что! Пора к дедушке, рядышком,
А вам ведь жить. Земля у нас одна ...

Ну, вот, напала! Ты не слушай баушку,
Мы, стар, как млад – всё норовим до дна.
А ты сходи в деревню-то, наведайся,
И к Пелагее, может, завернешь:
Была когда-то королевной девица,
А ныне что уж ... Пожили, хорош!
Ее вот тоже детки в город сватали,
Да отступились, эту не свернуть.
И я вся в думах ... Ехать к вам, а надо ли?
И в добрый час ли будет этот путь?

... На дальний лес легло заката марево,
Позолотив родимое сельцо.
Вокруг пшеница зрела желто-палево,
Дома с церквушкой обхватив в кольцо.
И эта позолота увядания
Тревожной грустью наполняла грудь ...
Что ж, вот и побыл. Вот и всё свидание.
Прости, родная. И не обессудь.

РОДНЫЕ МЕСТА

Сплетались струи Вонделя и Пажи,
И в их объятьях стая окуньков
Стояла несмываемо на страже,
Хватая мелкоту у берегов.
А над водой смородина клонилась,
И гроздья ягод мылись в быстрине ...
Той красотой душа моя пленилась,
И до сих пор она живет во мне.

Промчались годы. Пажа пересохла,
И Вондель превратился в ручеек,
И, как через невымытые стекла,
Тускнеет бывший детства уголок.
А жизнь моя, как будто в половодье,
Грохочет на стремнинах бурных лет,
Как конь, летит! И я тяну поводья,
А бег остановить уж силы нет.

РАННЯЯ ВЕСНА

Лист дрожит на осине – и я
Вместе с ним трепещу бессловесно.
Мне становится жарко и тесно.
Понимаю: мечтать бесполезно,
Но лечу сквозь туман бытия...

Вновь ручей, хоть невзрачен на вид,
Мне поёт, и с оттаявших грядок
Пар струится, по-вешнему сладок;
Стайка желтых пушистых цыпляток
На обломанной вербе сидит.
Дед костерит непутную власть,
Рассуждая разумно и здраво.
Он глядит, как всегда, молодежово
И, усы расправляя лукаво,
Говорит, что весна удалась,
Что пчела облеталась уже,
Что ее предсказания строги.
Значит, встанут на месяц дороги,

Впору ладить на Троицу дроги
Да столбы подновлять на меже ...

Это правда, весна хоть куда.
Но ведь пчел не водилось у деда.
Значит, чудится эта беседа:
В эту землю, с минувшего лета,
Его плоть улеглась навсегда.
Это я, вспоминая его,
Неумело хозяйствую ныне,
Подновляю столбы на овине,
И дрожит мерзлый лист на осине,
Зная, что не вернуть ничего ...

ПРОЗРЕНИЕ

Светла, как слеза,
Жизнь течет к своему рубежу.
Закрою глаза –
И в минувшие годы гляжу.

Там детские сны,
Там и мама, и дед, и отец,
И радость весны...
Только я не ценил их, слепец.

Всё было, да сплыло,
Польнью седой поросло.
Ничто мне не мило.
Вся прошлая жизнь – ремесло.

Все прошлые драмы –
Какая-то блажь, суета...
Нет папы. Нет мамы.
В сиротской душе – пустота.

Ах, милые дети,
Поймите сегодняшних нас,
Пока мы на свете...
Да что вам втолкуешь сейчас!

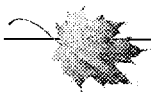
РУССКИЙ Я

Русский я до доньшка,
До ржаного зернышка,
Выращен деревнею,
Сшит тесьмою древнею.

Мне б в избе бревенчатой
Жить с женою венчанной,
Да пахать земелюшку,
Да растить Емелюшку.

Но судьба-насмешница
Надо всеми тешится:
Путь неблизкий вымела,
К тротуару вывела.

Расколосось доньшко,
Потерялось зернышко.
Жизнь-то где? Да вот она –
В городе промотана.

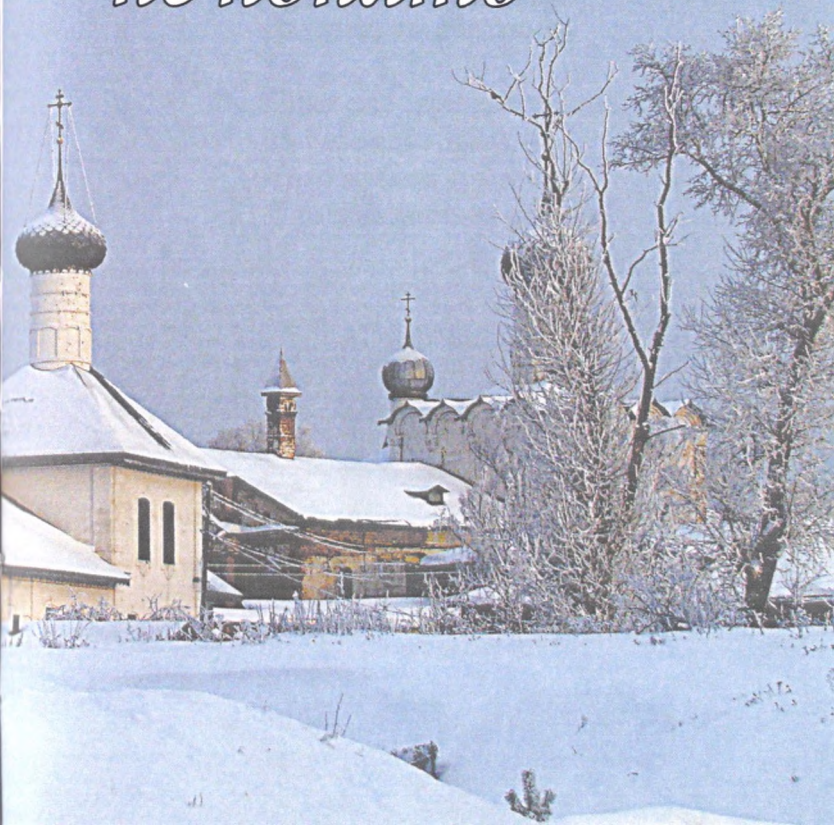

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Моей строке чего-то не хватало –
То нежности, то рифмы, то металла,
И не было во мне того кристалла,
Который называется «талант».
Всю жизнь бродил я по чужим сюжетам,
За стих в газете числился поэтом,
И хоть любил помочь друзьям советом,
Но сам был в деле – явный экскурсант.

Но вот и жизнь прожил, и дом построил,
Мои сады давно шумят листвою,
Теперь уже с седою головою
Я вновь берусь за старую тетрадь.
Не подведите, прежние находки!
Пишу от сердца, а не из-под плетки,
И рифмы у меня просты и кротки...
Мне хочется о жизни рассказать.

*Без русских сел
Россию
не понять*

УТРЕННЯЯ МУЗЫКА

Я рождаюсь, будто заново,
С первым криком петуха.
Цвета яблока румяного –
За окошком облака.

Спит еще заря-красавица ...
И, едва-едва дыша,
Тихо музыка срывается
С рыжих листьев камыша.

СИЗАРЬ

Из бездонного синего рая,
Где летают мои сизари,
Льется в душу мелодия мая
С нежной грустью весенней зари.

Вот, обласканный солнцем и ветром,
Мне садится сизарь на плечо, –
Добрый, преданный, пахнущий летом, –
И воркует про жизнь горячо:

Что полеты даются не просто,
Что немало врагов в небесах,
Что земля – это маленький остров,
Утопающий на глазах.

Молча глажу пернатого друга,
Крошки хлеба в кармане ищу...
Он ввивается в небо упруго.
Я на счастье в два пальца свищу.

ЛАСТОЧКА

Ласточка пронзает небосвод
И меня как будто бы зовет
За собою в середину лета,
В небосвод лазоревого цвета.

Запрокинув голову, гляжу...
Кажется, вот крылья разложу,
Заберусь на волжские отроги –
И взлечу! Но травы вяжут ноги.

Ты лети уж, ласточка, лети,
У тебя далекие пути.
Я же буду на закате лет
На родной земле встречать рассвет.

ЛЬНЯНАЯ СТОРОНА

Бежит холмов зеленая волна,
Кружатся нив белесые седины...
Гаврилов-Ям, льняная сторона!
Ты, словно голубь, сел в ладонь долины.

Я полюбил старинный городок,
Где каждый житель – ткач или ткачиха.
Вдали от всех стремительных дорог
Здесь, как в светелке, ласково и тихо.

Иду пешком по полевой тропе,
Душа моя стремится к новой песне,
И эта песня – только о тебе! –
Взлетит однажды прямо в поднебесье.

ГАВРИЛОВ-ЯМ

Уж третий век пошел с тех давних пор,
Как тишину унылой деревушки
Вдруг разбудил локаловский топор
И закрестились истово старушки.

Сомнений было много у зевак,
Не ведавших купеческой натуры,
Когда машины первые в барак
Ввозили для льняной мануфактуры.

Но ожили утробы корпусов,
Где к нити нить укладывалась плотно,
И фабрика, не снявшая лесов,
Уже рождала белые полотна.

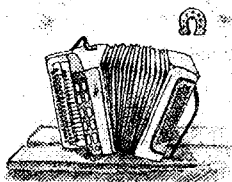
Покрыв поля небесной синевой
Цветущий лен, звеня на всю округу.
И рос из деревушки город мой,
Гаврилов-Ям – и к северу, и к югу...

ЯМЩИЦКАЯ ПЕСНЯ

Растяну на старинном баяне
По-ямщицки тугие меха.
Вы подпойте мне, братья-славяне!
Разве жизнь наша так уж плоха?

Все мы живы! И что тут такого,
Что рыдает мой старый баян...
Просто Русь деревенская снова
На ямщицкий захала стан.

НА ТЯГЕ

Коротка заря на тяге.
Вот уж вечер сник,
и запел ручей в овраге
под совиный крик.
И бредем мы осторожно
со своих постов,
и звучат во тьме тревожно
голоса дроздов.

В поле скирды засинели
в тусклом свете звезд,
просочилась через ели
белизна берез.
Сонный лес загадок полон,
вон костер мелькнул.
«Что ты вьешься,
черный ворон»
кто-то затынул.

То ль от дыма, то ль от сини
засвербят глаза,

в сердце звон весенний хлынет
чистый, как слеза.
Жизнь стремится в каждый колос...
О, родная Русь!
Так велик во мне твой голос,
что сказать боюсь!

СТИХИ

В саду – лучистое затишье,
Осенней негой воздух смят.
И яркие четверостишья,
Как птицы, на ветвях сидят.

Я их ловлю из каждой кроны,
Как золотистые плоды.
Светлы и одухотворенны
В моей душе стихов следы.

И я молчать уже не в силах,
Во мне шумит сравнений рать ...
Как в сенокос копну на вилах –
Вот так и стих не удержать!

ИЮНЬ

Июнь сживает май со света,
А песня мая не допета.

И остается за чертой
Весны дурманящий настой,
Пьянивший кипенью густой.
А летний день – такой пустой...

В ПОЕЗДЕ

Меня не тянет в поезда который год,
Не жестких полок, не болтанки я боюсь.
Когда перрон толкнет вагон – и поплывет,
Я почему-то сиротливым становлюсь.

Уставший город проплывает за окном,
Мигая грустными глазами фонарей...
Я закрываюсь от всего дорожным сном –
Вагонной тряскою и уханьем дверей.

* * *

Растворяется гроза в зареве,
Проступает горизонт в мареве.
Оживает и душа, кажется.
Может быть, теперь и жизнь свяжется?

Просветлела полоса серая.
Сердце радостно стучит, веруя.
Петь, работать и любить хочется...
Неужели и бардак кончится?

ПРОЩАНИЕ С НЕПТУНОМ

Прощай, ворчун неугомонный!
Опять ты гривую своей
Разгладил берег полусонный,
Приют моих счастливых дней.
Опять струится вечер алый
В закатных солнечных лучах.
А ты, как прежде, друг усталый,
Качаешь море на плечах.

МНЕ КАЖЕТСЯ

Мне кажется, что жизнь моя плоха.
В избе сквозит. Наверно, оттого,
Что между бревен не хватает мха.
Могли сороки выклевать его.

А может, я забыл прикрыть окно,
Днем было душно, а теперь сквозит.
А впрочем, в доме дыр полным-полно,
Как и в душе ... Как я всем этим сыт!

Мне кажется: я вовсе не горю,
А тлею в жизни, что дала мне мать.
Ей хорошо, она уже в раю,
А мне еще придется умирать.

КОНИ

На заречных клеверах
Разгулялись кони...
То ли удадь, то ли страх
Их по полю гонит.

Мне бы тоже в эту степь
Под закат умчаться,
Разорвать стальную цепь,
Путы домочадца,

И напиться допьяна
Сизого тумана:
Спать под ржанье табуна,
Песни петь гортанно...

Жмутся кони в темень, в сизь,
Морды – словно лица.
А по мне ли эта жизнь
Вольная, как птица?

Мне, стреноженному, глаз
Не скосить уж грозно.
Что-то есть во мне от вас,
Да проснулось поздно.

БАБЬЕ ЛЕТО

С каждым днем прозрачней рощи,
По утрам озноб и стынь.
И все чаще дождь полощет
Выцветающую синь.

Но лишь только лучик яркий
Тронет речку и мосток –
Ляжет вновь румянец жаркий
На трепещущий листок.

Лета бабьего улыбка
Разогреет в жилах кровь ...
Всё так просто. Всё так зыбко,
Быстротечно, как любовь.

РЫЖИЙ ДЕНЬ

Я стучу рукою по стволам,
Осыпая наземь рыжий цвет.
По прозрачным роцам и полям
Кружит листопад летящих лет.

Я брожу по осени пешком,
Провожая и встречаю день,
Обмотавший рыжим кушаком
Светлый стан печальных деревень.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Осенний вечер еле слышим ...
Уж на излете на погост
Скатился день закатом рыжим
На плечи голые берез.

Всего лишь миг – и позолота
Сошла со стриженных полей.
А терпкий запах намолота
Все ощутимей, всё сильнее.

Еще не ночь, но быстро тает
Рисунок леса вдалеке.
Со свистом утка пролетает
В туман на дремлющей реке.

ОСЕННЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пахнет воздух осенний
арбузными корками,
шаловливым морозцем
и легким дымком.
Я домой пробираюсь
украдкой, задворками,
и по дому стыдливо
крадусь босиком.
Хоть бы только впотьмах
половица не скрипнула,
хоть бы только опять
не проснулась жена,
хоть бы снова душа
от позора не всхлипнула, –
разве в этой беде
виновата она?
Я крадусь, словно вор,
сам себя ненавижу я.
Нет мне места теперь

ни в аду, ни в раю.
... Кружит осень меня,
словно бестия рыжая,
засыпая листвою
измену мою.

НЕ ЗОВИ

Ты не зови меня напрасно
И о минувшем не жалея.
Всё мне понятно, всё мне ясно
В любви несбывшейся моей.

Да, страсть была ... Но то, что страстно –
Пылает часто без любви.
Несчастен я. И ты несчастна.
Но даже в мыслях не зови!

ПЕРВЫЙ ЛОСЬ

Как неохотно умирал
Мой первый лось на той охоте!
Он мох копытами сдирал,
Подмяв березку на болоте.

А псы, предчувствуя конец,
Визжали, пьяные от крови,
Не понимая, что свинец
Не сразу сердце остановит.

Но он не видел ни меня,
Ни злобной драки между псами.
На землю голову склоня,
Застыл с открытыми глазами.

Как долго в мертвой тишине
Метался одинокий выстрел ...
Зачем-то руки жали мне.
А я украдкой слезы вытер.

ДОЖДИ

У летних дней – забот по горло,
У них всегда особый нрав.
Но слишком рано нынче стерло
Палитру яркую дубрав.

Пошли дожди – и день-гуляка
Как будто съежился, озяб.
Глядит комбайн из буерака
На перепаханную зябь.

Он тут стоит с прошедшей жатвы,
Дождями втоптаный в кювет.
Его бы вытащить. Канат бы!
Да, говорят, каната нет.

Идут дожди и ветры стонут.
Река, взбесившись, смыла мост.
Опять пойдет, никем не тронут,
Весь урожай коту под хвост.

И власть, и Бога – всех просили.
Ответ обычный: верь и жди.
... Идут дожди по всей России,
Осенне-летние дожди.

ПОЛЕ

Слова, слова со всех высот...
А мне вот поле душу ранит:
Его царапает осот,
Да кое-где кипрей румянит.

Лежит в ковшах сырых низин
Земля, уснув в холодных росах...
Чего я жду, крестьянский сын,
На прежних дедовских укусах?

* * *

Пока крепили власть,
Пшеница занялась
И травы перезрели на корню.
Наговорились всласть!
И остается – пасть
Последнему колхозному коню...

РЕЧКА МОЯ

Речка моя
истекает водой родниковой.
Режут поля
лемеха равнодушных людей.
Сгорбленный конь
не звенит по дороге подковой.
Небо молчит,
позабывшее крик лебедей.

На сквозняках
обнищавшие стонут деревни.
Валят леса,
громом техники щебет глуша.
Сгинул народ –
пахарь-труженик, сеятель древний.
В черствых руках
изнывает России душа.

Речка моя,
где твои белобрысые плесы,
тишь омутов

и смородинный дух над водой?
Лишь родники
тихо катят пречистые слезы,
горько скорбя
над своей и моею бедой.

ПО ХОЛМАМ РУСИ

Руки вкось кресты раскинули
В обезлюдившем селе.
Кто их ставил – те уж сгинули,
Те и сами-то в земле.

И секут дожди осенние
По холмам Руси моей
Даже в пагубе нетленные,
Кости белые церквей.

ЖДУ

Поля, поля... Живу под русским небом.
А вдруг Господь помилует страну –
И пашня разродится добрым хлебом,
И детский смех нарушит тишину?

Но губит явь забытые деревни,
И брошенные рушатся дома.
Мелькнет в окошке лик старухи древней...
А может, это Родина сама?

СЕЛО МИТИНО

Это – Митино! Удивительно,
Сколь поныне в нем удалцов –
Тех, что трудятся упоительно,
Повторяя судьбу отцов.

Здесь поля чисты, здесь стада тучны,
Золотится гумно зерном,
Здесь и в худший год закрома полны,
Здесь не плачется агроном.

Вот как надо бы всем трудиться нам,
Вот как надо бы чтить гумно,
А не песни петь про Голицыных,
Про поручиков да вино.

Все тут исстари жили праведно,
Избы ставили на века ...
Крепко прадеды жизнью правили,
Чтобы жизнь была не горька.

СЕЛО КУДЫКИНО

Где грязь, где слякоть, где ухабы,
Стоит Кудыкино в глуши...
Там, говорят, и ныне бабы
Здоровьем больно хороши.

Уж их не спутаешь с мужчиной,
Взгляни – и сразу виден пол.
Идет такая с хворостиной,
Над пылью приподняв подол.

Как глянет – сразу мчатся сваты!
Как рявкнет – цепенеет тать!
А мужики там слабоваты:
Кирпич на газ, и в кузов – спать.

* * *

Мы все свободою горим.
И говорим, и говорим...

ГОЛОС ПРЕДКОВ

О, лики светлые России,
Как сердцу выдержать ваш взгляд?
В холщевых рубищах, босые,
О вечном предки говорят.
И храмов древних силуэты,
И строки каменных страниц
Тем мудрым голосом согреты...
И лишь прищур седых бойниц
Сверкает грозно и сурово,
Сосредоточен и угрюм,
Как будто сдерживает слово,
Отяжелевшее от дум.

ПЕРЕСТРОЙКА

Рванулись в ускоренье! – не подумав,
Что тормоза застойные слабы.
И понеслись машины толстосумов
Сбивать границ священные столбы.

И оказались хрупки и нестойки
И гордый дух, и дружба, и любовь ...
Лежит страна в руинах перестройки –
Моих детей сегодняшняя новь.

РУССКИЕ СЕЛА

Без русских сел Россию не понять,
Они – ее истоки и начала.
В их именах ее любовь звучала,
А храмы источали благодать.

Не стерта память. Жаль, что стерта плоть.
От многих сел остался только пепел,
Но лик Руси и сквозь разруху светел...
В который раз прощает нас Господь!

МЫСЛИ

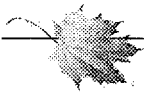
Мои мысли парят в поднебесье,
А душа где-то здесь, на земле –
Робко тянется к искренней песне
И к церквушке в забытом селе.

Мысли, мысли! Спуститесь пониже –
К покосившимся старым крестам,
К деревенской соломенной крыше,
К позабытым родимым местам.

ОСКОРБЛЕНИЕ

Я сам себя невольно оскорбил,
Презрительным упреком наградил
И возмущенно бросил сам себе
В лицо перчатку: встань лицом к судьбе!

Потом подумал: а доступна ль цель?
Способен ли я вызвать на дуэль
Себя в себе? Вот в этом и вопрос.
Душой готов. А духом не дорос.

РОДИНА

К облакам твоим лохматым
И к дымкам твоим седым,
К фиолетовым закатам
И к рассветам золотым,
К двум березкам в тихом поле,
К огоньку в кромешной мгле
Я привык – и лучшей доли
Мне не надо на земле.

РЯБИНОВЫЙ ДОЖДЬ

Ну, вот и сбылось! Я снова не гость
В моей стороне пшеничной,
Стучится в окно рябиновый дождь
В осеннем своем величье.

Колеса бубнят, качая вагон,
И близок уж час свиданья.
Я тихо сойду на старый перрон –
Закончился срок скитанья.

Я всё испытал – морозы и зной,
Мне столько дорог открылось!
Но лучше, чем край рябиновый мой,
Встречать мне не приходилось.

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Выцветает неба просинь,
Потеряв красу свою...
Жмутся птицы в эту осень
К человеческому жилью.

Из лесов летят, ворюги,
В огороды и сады
И клюют по всей округе
Перезревшие плоды.

Но понять их тоже можно –
Скоро встанут холода,
А зимой и людям сложно...
Пусть воруют, не беда!

СВЕКЛА

Дождь царапает рамы и стекла,
Ставней стучает, просится в дом.
В огороде не убрана свекла.
Не до свеклы. Успею. Потом.

Вот растучится серое небо,
Вот дожди проливные пройдут...
Эх, еще настроения мне бы –
Может, руки до свеклы дойдут.

Как не вовремя осень поблекла,
Скисла медленно, как молоко.
В огороде не убрана свекла,
А до снега не так далеко.

НЕПОСТОЯНСТВО

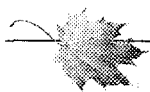
Дитя ненадежной, капризной природы,
Я каждой зимой дожидаюсь весны,
Но весны, как искры, мелькают сквозь годы
И гаснут, несбывшихся планов полны.

Мигнуть не успеешь, а летние зори
Не славит уже соловьиная трель.
И вот уж грустнеет пшеничное море
И в травах кончает скрипеть коростель.

Желтеют за речкой лесов окоемы,
Прозрачней становится глубь омутов
И осень зовет в золотые хоромы...
Но я уже в зиму влюбиться готов!

КУКУШКА

Прокукуй мне, кукушка,
Сколько жить-горевать,
На осенних опушках
Травы рыжие мять,
О колючки бурьяна
Рвать рассветную тьму...
Только чур – без обмана,
Мне обман ни к чему.

УШЕДШИМ ДРУЗЬЯМ

Я отдал все свое тепло
Друзьям, которых нет со мною.
Как много их уже ушло,
Задев меня своей судьбою.

Но их глаза, иных светлей,
Тревожат душу, как живые...
Не отломать сухих ветвей,
Не спрятать кольца годовые.

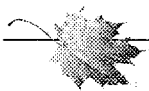

НАД МОГИЛОЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Ковш правды роет в глубину:
Прошел застой, прошел войну,
И вот из ямы роковой
Рыдает год сороковой.
А вот уже тридцать восьмой:
Здесь наш позор – и твой, и мой:
Ни трехметровый слой земли,
Ни известь след не извели.

Кому держать теперь ответ?
Прямых убийц в живых уж нет.
Но есть их дети, жив их род ...
Быть может, им предъявим счет?
Осуществим святую месть,
И – в ту же яму, прямо здесь?!

Молчат все, головы склоня ...
А мысли режут, жгут меня:
Ужель, чтоб правду возродить,
Мы вновь готовы кровь пролить?

ОКТЯБРЬ

Взведен истории курок!
И боль опять терзает душу:
А вдруг октябрьский ветерок
Опять в Россию гонит стужу?

Опять доносы, тюрьмы, страх ...
Этап пойдет на буровые
И в уренгоевских местах
На вышках встанут часовые ...

НА ГРАНИ СТОЛЕТИЙ

Мать-Россия! Родная страна!
Как сберечь нам тебя от напасти?
Где найти столько воли и страсти,
Чтоб тебя разбудить ото сна,
Чтоб народ твой куски не просил,
Не мотался с сумою по свету,
Чтоб не верил чужому совету,
Не растрчивал попусту сил?

Что ж молчишь? Или голос иссяк?
Или веришь в чужие угрозы?
Мечет молнии в прошлые грозы
Опоенный свободой босяк.
И последнее платье твое
Промотают в похмельном угаре
Перестройки творцы и бояре,
Казнокрады, шпана, мотовье...

Мать-Россия! Приходит черед
Вспомнить горечь жестоких наследий.
Сделай выбор на грани столетий,
Защити обнищавший народ!

НАМ НУЖНО

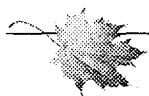
Нам нужно многое успеть,
Пока еще в народных жилах
Есть мощь! Пока еще мы в силах
Любую трудность одолеть.

Нам нужно многое успеть,
Пока народ не пропил веру,
Пока он знает буйству меру,
Пока не взял он в руки жердь.

Нам нужно многое успеть.
Нам не простят потомки наши
Угасших недр и мертвых пашен.
Им будет нечего воспеть!

A close-up photograph of a bird, likely a Redstart, perched on a thin branch. The bird has a black cap, a blue back, and a bright orange-red breast. It is holding a small red berry in its beak. The background is a soft, out-of-focus blur of red and white, suggesting a winter or early spring setting with snow and berries.

*Меня
разбудит
звон капли*

НА ИСХОДЕ ОКТЯБРЯ

Отшумело, отцвело
Всё, что было сердцу мило.
Вновь ледовое стекло
Прудик дремлющий накрыло.

Зябко, грустно на земле.
День сжимается, скучая.
Но, как прежде, снится мне
Синь вернувшегося мая.

НОЯБРЬ ГРУСТИТ

Ноябрь грустит, прощаясь с миром красок.
День щурит потускневшие глаза.
Стучится в дверь пора печальных сказок,
Вот-вот замолкнут птичьи голоса, –
И станет мир холодным и прозрачным,
И ляжет снег на голые леса ...
Ноябрь грустит – и настроеньем мрачным
Мешает мне поверить в чудеса.

СОРОК ПЯТЬ

Ушли куда-то молодые годы,
Куда-то улетели всплески моды,
Весомей стали жесты и слова,
И кудри потеряла голова.

Всё реже доверяю ощущениям,
Конкретика сменила обобщенья,
И нет уже желания летать ...
Ну, что ж поделать – это сорок пять.

ПЕРЕКАЛИЛИ

Устал я, друг мой, от сомнений,
От суеты и пустоты.
Не попадем ни я, ни ты
В шеренги новых поколений.

Зачем им, новым, наши плечи,
Традиций наших гулкий звук?
Мы списаны в архив, мой друг,
У них уже другие речи.

А ведь и мы другими были:
Стремилась в небо, в космос, в даль...
Нас закаляли, словно сталь,
И, кажется, перекалили.

* * *

Мне говорят: пора на пенсию,
Смотри-ка: молодых полно!
Вручат медаль, проводят с песнею...
Жизнь не обгонишь все равно.

А я живу, а я работаю.
И обхожу я зеркала,
Чтобы не знать, с какой охотою
Мне седина на чуб легла.

ТЕРПЛЮ

Хоть за окном –
всё, как и прежде,
терплю,
на лучшее в надежде.

Не верой жив,
а тягой к чуду.
Свершится чудо –
верить буду!

МЕДВЕДЬ

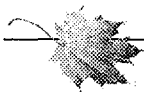
Я стал медведем, – всё от Бога, –
Забрался в жуткий бурелом.
Здесь только я, моя берлога
Да пня осинового слом.

Вот-вот с небес пойдет пороша,
В берлоге затемняя свет,
И нанесет сугроб хороший.
И я усну на много лет.

Усну медвежьим сном беспечным,
Годам безвременья под стать ...
Но вот однажды – сны не вечны –
Нутром пойму: пора вставать.

Меня разбудит звон капели,
Подснежник тронет влажный нос,
И я, счихнув крупу метели,
Вдруг подымусь в медвежий рост.

Но не услышу русской речи,
Не встречу неба синеву...
И зарычу по-человечьи,
И по-медвежьи зареву.

СТАРОСТЬ

Сгорает старенькая мать.
Ей трудно срок свой доживать,
Она устала понимать
Наш новый век.
И дети выросли давно,
И внуков у нее полно,
И не бодрит уже вино,
И мир поблек.

Она лишь памятью живет,
Беззубо прошлое жует,
Порой себя не узнает,
Хулит детей.
Им вместо платы за добро
Сует капризы под ребро.
Тоска грызет ее нутро,
Обидно ей.

Что делать! Знать, подходит срок.
Уж не выходит за порог.
Порой совсем не чует ног

Под грузом лет.
На старом сердце – пустота.
Начать бы с чистого листа.
Давно пора под сень Христа,
Да веры нет.

ИГРОК

Игра его была простая:
Он двигал пешки, ждал похвал...
Но видит вдруг: доска пустая,
И гол король, и ферзь упал.

Как быть, игрок? Иль с новым веком
Сразишься, всё начав с нуля?
... Заносит жизнь колючим снегом
Все черно-белые поля.

ПРИЯТНО ПОМЕЧТАТЬ

Мы друг на друга в старости похожи –
И пуза одинаковы, и рожи.
Одни и те же странности походки,
И черепа голы, как подбородки.

Мы вроде уж и жизни-то не рады.
Но поглядишь на девичьи улады –
И вновь забудешь и про ворох лет,
И что ты сам – давно старухин дед.

Жаль, юных не прельщает наша стать ...
И всё ж приятно даже помечтать!

КУРЮ

Твердит аскет:
Куренье – вред!
И дым горчит,
И грудь кричит,
И сердце уж не так стучит...

Но некурящий тоже сед
И у него не меньше бед.
И курит врач, – неправ, неправ!
Подводит он родной Минздрав.

Мне говорят: куренье – рак!
А я курю.
Дурак?
Дурак...

ЭКСПРОМТ

Он закален огнем Афгана,
Он друг друзьям и враг врагам,
Он валит словом без нагана
И бьет рогатых по рогам.

Но ходит слух о странной были:
Пришел он как-то на вокзал,
К нему две дамы подкатили ...
И он, как заяц, убежал!

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА

День тащится, как кляча под сохой,
И как грачи на пашне – тараканы:
Ползут шеренгой в миски и стаканы ...
– Эй, дайте рвань им, братцы-атаманы!
Ведь из меня боец пока плохой.

Но вся палата – тренажерный зал:
Пружины, гири, ноги, руки, позы,
Скрип перекадин, стоны, рыки, слезы,
Отборный мат, о дне грядущем грезы,
Журчанье, всхлипы из-под одеял.

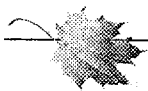
Но вот уж окна застит темнота,
Редеют посетительские рати,
И слышен хрип соседа по кровати,
И ночь идет... Ох, как она некстати:
В палате ночью – страх и маета.

Всё гуще тьма, всё громче голоса.
Проснулась боль, надсадно беспокоя.
Сон не идет. Во тьму гляжу с тоскою.
А сквозь меня глядят в приют покоя
Соседа неподвижные глаза.

* * *

Я уйду, – не сегодня, так завтра, –
В светлый храм с золотыми воротами,
Где молитва с водою на завтрак,
Где столы украшают цветами,

Где сияет у жесткой постели
Лишь лампадного света подкова,
Где за толстыми стенами кельи
Не услышу я шума людского.

ОТЦОВСКИЕ ПИСЬМА

В «треугольничках» мятых роясь,
Я прошел по следам отца.
Я прочел его жизни повесть
Без начала и без конца.

Я по строкам его неживым
В контратаку ходил не раз.
Там, где повесть накрыло взрывом,
Начинается мой рассказ.

Расскажу, не страшась, о многом
Всем потомкам грядущих лет...
Пусть идут по своим дорогам,
Не теряя отцовский след.

ВОРОБЬИ

Растаяло привычное тепло,
Белесой дымкой затянуло небо.
На свалке, где сугробы намело,
Дерутся воробьи за корку хлеба.

А я о людях думаю... Как им
Делить помойки в городских кварталах?
А может, без помоек устоим?
Вот и зарплата повышаться стала ...

ПЕРЕД БАНЬКОЙ

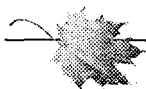
Кружит снежок, мороз кусается.
Звук колуна – как клавесин.
И плахи с треском разлетаются
По гряде свеженьких лесин.

Потом в поленницу уложится
Рядком березовая кладь,
А дальше банькой подытожится...
И не захочешь умирать!

ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Уже весны грядущей трепет
Под снегом чувствует ручей
И солнце яростное слепит
Февральским скопищем лучей.
И с крыш сползают снега шубы,
Сминая ноздреватый наст...
Но дым к земле пускают трубы:
Весна февральская – на час.

ПРИЧУДЫ ЗИМЫ

Послушай, бабушка-зима,
Ты что – совсем сошла с ума?
Зачем, природе вопреки,
Ты примеряешь парики?

То, в серебро себя раскрасив,
Царишь... То пегой станешь вдруг –
И вся косметика по грязи
Плывет ручьем на низкий луг.

Уже залетные пичуги
Смеются на твои причуды!
Давай-ка, старая, давай,
Весне дорогу уступай!

НОВАЯ ЛЮБОВЬ

Солнечные бусинки капли
На снегу сверкающем запели,
Ивняки в лесу порозовели –
Всё в предвосхищении весны!

Вот уже сугробы похудели
И грачи на гнезда прилетели.
Но не успокоились метели...
Как они становятся скучны!

Песни вьюг мы до конца допели
И зимой пресытитесь успели.
Юная весна стучится в двери,
Новая любовь!
Грешны, грешны...

НЕУКРОТИМАЯ ВЕСНА

Апрель, ворвавшись в зимний лес,
Грызет последние сугробы.
Они уж стаяли окрест
И лишь в чащобах – крутолобы.

Забыв покой бывшего сна,
Шагает к майскому порогу
Неукротимая весна,
Меся разбухшую дорогу.

АПРЕЛЬ

Апрель бушует на дворе,
Слоняется по улицам.
Не до уроков детворе,
Не до насестов курицам.

Поют ручьи до хрипоты,
До пены на запрудинках.
И лезут из земли цветы
В голубеньких нагрудниках!

ВАЛЬДШНЕПИНАЯ ОХОТА

Закат над лесом пламенеет,
Уходит день за кромку туч.
Поляна в сумраке синеет,
Снежок в кустах еще колюч.

И длится тихая минута ...
Стою, не мысля ни о чем.
Ведь много ль надо мужику-то –
Тянул бы вальдшнеп над ручьем,

Да чтоб ночной пичуги всхлипы
Неслись из гущи ивняка,
Да рюмкой чтоб не обнесли бы
При тусклом свете костерка,

Да чтоб, о будущем судача,
Плели друзья беседы нить ...
А может, выпадет удача
Пустой ягдташ утяжелить?

ПТИЧИЙ ГРИПП

Эфир от возгласов охрип:
Спасайтесь, люди – птичий грипп!
В борьбу включились депутаты:
«У нас ведь есть еще солдаты!
Поставить строем вдоль границы!
Стрелять! Не пропустить ни птицы!..»

А птичку жаль. Больная птаха
И так уж натерпелась страха.
Ее ль вина, что мор опасный
Она несет на мир прекрасный,
И что проклятый этот вирус,
Возможно, из пробирки вырос?

Она летит в края отцов,
Чтоб в гнездах высидеть птенцов ...

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Две ласточки, присев на проводах,
Беседуют негромко о своем.

А у меня в душе роится страх:
Ведь эта пара хочет строить дом.

А тут котище уши наострил ...
Не сцапал бы глупышек в суете.
Я этой паре сам гнездо бы свил,
Помог осуществиться их мечте!

Я размышлял, а гнездышко свилось.
Боялся я – но вывелись птенцы.
... Вот так и наше лето пронеслось,
И разлетелись дети-сорванцы.

БУДЬ СЧАСТЛИВА

Внучке Анечке

Твои запросы повзрослели
На восьмилетнем рубеже,
И деревенские качели
Тебя не радуют уже.

Ты вся – из бантиков и танцев,
Из маникюров, томных поз,
Из черных глаз и из румянцев,
Из модных платьев, длинных кос.

Закружит скоро, озоруя,
Девичьей жизни круговерть...
С тревогой на тебя смотрю я:
И плакать хочется, и петь.

ПОСЕЛОК «РУБЛЕННЫЙ»

Был он рубленным и впрямь – сосна к сосне;
Возводился по военной по весне.
Помню тихие, уютные дворы –
Рай для бабушек, для мам и детворы.

У отцов была забава веселей:
Стол, сколоченный под кроной тополей.
Забивали мужики на нем «козла»,
Им порой была литрочка мала.

И росли мы в этих рубленных домах,
И врубались в мир большой во весь размах,
Уезжали на недельку, на «пока»,
Но ложилась нам дорога далека.

До сих пор мне снятся годы той поры:
Эти тихие, уютные дворы,

Эти шумные забавы допоздна,
Эти песни – и с вином, и без вина.

Забираюсь в переполненный трамвай,
Чтоб взглянуть на свой далекий детский рай,
Там стоят уже высотные дома,
Всё другое, как и родина сама.

Старожилы здесь меня не узнают:
Укатали то ли годы, то ли труд.
В новых каменных домах царит уют.
Но поселок люди «Рубленным» зовут.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Чеканов. <i>Родная душа</i>	5
---	---

В тайном ларчике сердца

Из детства	11
Деревенский рай	13
Хорошо быть маленьким	18
Пурга	20
Мороз и нос	21
Крещение	22
В кузнице	23
Не потерять бы седока	24
Мой дед	25
Дом детства	26
Первый стих	28
Папа	29
Наше детство	30
Гармонист	32
Пора сенокосная	36
Юность	37
Бабушка	38
Родные места	41
Ранняя весна	42
Прозрение	44

Русский я.....	45
Старая тетрадь	46

Без русских сел Россию не понять

Утренняя музыка	49
Сизарь.....	50
Ласточка.....	51
Льняная сторона.....	52
Гаврилов-Ям.....	53
Ямщицкая песня	54
На тяге	55
Стихи	57
Июнь	58
В поезде	59
«Растворяется гроза в зареве...»	60
Прощание с Нептуном.....	61
Мне кажется.....	62
Кони	63
Бабье лето	64
Рыжий день	65
Осенний вечер.....	66
Осеннее возвращение	67
Не зови	69
Первый лось.....	70
Дожди	71
Поле.....	72
«Пока крепили власть...»	73
Речка моя.....	74

По холмам Руси.....	76
Жду.....	77
Село Митино.....	78
Село Кудыкино.....	79
«Мы все свободою горим...».....	80
Голос предков.....	81
Перестройка.....	82
Русские села.....	83
Мысли.....	84
Оскорбление.....	85
Родина.....	86
Рябиновый дождь.....	87
Осенние птицы.....	88
Свекла.....	89
Непостоянство.....	90
Кукушка.....	91
Ушедшим друзьям.....	92
Над могилой репрессированных.....	93
Октябрь.....	94
На грани столетий.....	95
Нам нужно.....	96

Меня разбудит звон капли

На исходе октября.....	99
Ноябрь грустит.....	100
Сорок пять.....	101
Перекалили.....	102
«Мне говорят: пора на пенсию...».....	103

Терплю.....	104
Медведь	105
Старость.....	106
Игрок	108
Приятно помечтать.....	109
Курю.....	110
Экспромт	111
Больничная палата	112
«Я уйду, – не сегодня, так завтра ... »	113
Отцовские письма.....	114
Воробьи.....	115
Перед банькой.....	116
Февральское солнце.....	117
Причуды зимы	118
Новая любовь	119
Неукротимая весна.....	120
Апрель.....	121
Вальдшнепиная охота	122
Птичий грипп.....	123
Ласточкино гнездо	124
Будь счастлива	125
Поселок «Рубленный»	126

Литературно-художественное издание

**ГОЛИКОВ
Валерий Павлович**

НЕ СПРЯТАТЬ КОЛЬЦА ГОДОВЫЕ

Стихи

**Редактор
Евгений Чеканов**

Подписано в печать 12.07.2011. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Агро Про.

Тираж 370 экз. Объем 132 стр. Заказ 2388.

Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом,

представленным издательством,

в ООО «Канцлер»

150 007, г. Ярославль, ул. Столярная, 14

Тел. (4852) 75-98-60, 24-34-52

Издательский дом «Печать»

150 000, г. Ярославль, ул. Свердлова, 18.

Тел. (4852) 73-76-54. www.idpechat.ru